

Засодимский Павел Владимирович

Хроника села Смурина

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
П12

П12 **Павел Владимирович З.**
Хроника села Смурина / Засодимский Павел Владимирович – М.: Книга по Требованию,
2023. – 262 с.

ISBN 978-5-519-85780-2

ISBN 978-5-519-85780-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

рыхъ стѣнныхъ часовъ, покоившихся въ длинномъ футлярѣ. Пробѣгая же по суздальскимъ гравюрамъ, украшавшимъ стѣны, солнечный лучъ переливался, положительно, всѣми цвѣтами радуги...

Григорій Ивановичъ Прокудовъ—благополучный хозяинъ этихъ тесовыхъ хоромовъ—слылъ на Смуринѣ за богача. У него, говорятъ, было тысячъ до 15 капитала. Отъ отца въ наслѣдство ему досталась едва лишь треть этой суммы. Большею же частью своихъ богатствъ онъ былъ обязанъ самому себѣ—своей совѣсти, не сознававшей неудобства упрековъ. Онъ, казалось, и жилъ лишь для того, чтобъ паживаться. И нужно правду сказать: въ дѣлѣ наживы онъ до того набилъ руку, что копейка у него родила рубль. Прокудовъ не зарылъ въ землю своего таланта, сумѣлъ ловко всѣмъ воспользоваться—и отцовскими денежками, и добрыми, и злыми чувствами, и добродѣтелью, и порокомъ, людскою глупостью, и нуждою. И вотъ, онъ набилъ свою кошную туго, выстроилъ новый домъ, завелъ при домѣ мелочную лавку и складъ желѣза. Лавочная торговля давала рубль на рубль; желѣзо, раскупаемое смуринскими кузнецами, приносило не менѣе выгоды; скупка гвоздей и шпилей, выкованныхъ Смуринцами, и перепродажа этихъ издѣлій въ городѣ составляла также постоянный и вѣрный источникъ доходовъ. Кромѣ того, онъ снабжалъ крестьянъ въ долгъ и деньгами, и хлѣбомъ, и всякимъ товаромъ—тоже на сходныхъ условіяхъ. При покупкѣ, при продажѣ и при ссудѣ Григорій Ивановичъ всегда равно выигрывалъ, такъ что трудно было бы рѣшить, что болѣе обогащало его. Каждый переживаемый имъ мигъ, каждая, повидимому, самая ничтожная сдѣлка играла свою роль въ дѣлѣ обогащенія. Каждый шагъ, каждое движеніе руки было у него рассчитано, смѣрено и взвѣшено самымъ аккуратнымъ манеромъ. Если онъ подносилъ кому-нибудь рюмку водки, или предлагалъ чашку чаю, то это значило, что онъ совершенно основательно надѣется за рюмку приобрести штофъ, а за нѣсколько чаюпокъ—цѣлый фунтъ.

— Безъ разсчета нельзя, другъ ты мой! говаривалъ онъ. — Безъ разсчета не обойдешься... Безъ разсчета только дуракъ живетъ...

Односельчанъ своихъ Прокудовъ держалъ въ рукахъ, держалъ не въ ежовыхъ рукавицахъ, а какъ есть въ цѣпяхъ. Но такъ нѣжно и мягко налагалъ онъ эти цѣпи, что носившіе ихъ со всѣмъ не чувствовали къ себѣ прикосновенія его рукъ: всѣмъ казалось, что цѣпи наложилъ на нихъ не Григорій Ивановичъ, а какой-то другой лихой человѣкъ. Прокудовъ былъ со всѣми

обходителенъ, голоса не возвышалъ, споровъ, ссоръ и раздоровъ избѣгалъ. О пьянствѣ, о лѣни, о нерадѣніи и невѣжествѣ мужицкомъ онъ всегда отзывался съ подобающимъ сожалѣніемъ; самъ же велъ жизнь умѣренную, водку пилъ только въ праздники, и то не больше двухъ-трехъ рюмоекъ.

— Што въ ней хорошаго! разсуждалъ онъ. — Только одурманить, проклятая; изъ человѣка звѣря сдѣлаетъ. То ли дѣло чай! Щепоточку травки, да сахару кусочикъ—вотъ-тѣ и все! И сладко, и дешево...

Жили Прокудовы хорошо. Зимой они держали двухъ работниковъ, лѣтомъ принанимали еще третьяго. Въ полѣ у нихъ мѣнѣе 6—7 человѣкъ почти никогда не работало, потому что каждый должникъ долженъ былъ отработать въ лѣто дня три или четыре, смотря по условію; должниковъ же за зиму накоплялось порядочно. На дворѣ стояло 6 лошадей, 8 коровъ съ теленкомъ, до дюжины свиней, да десятка два гусей и куръ разгуливало по улицѣ. Словомъ, домъ былъ полная чаша. По воскресеньямъ, Григорій Ивановичъ ходилъ съ семьянами въ церковь, за каждой обѣдной ставилъ свѣчку за престолъ «Господу Саваофу», со звономъ клалъ на блюдо гривну, при чемъ тихимъ манеромъ бралъ копѣечку сдачи. Убогому и странному изъ окна его дома всегда подавали «ради христа» ломтикъ хлѣба или грошъ. Въ храмовой праздникъ — въ Ильинъ день — Прокудовъ угощалъ духовенство и гостей на славу. Духовенство, сельскія и городскія власти крѣпко пожимали ему руку и водили съ нимъ хлѣбъ-соль, а міряне ломали передъ нимъ шапки.

Сегодня—суббота, канунъ Николина дня. Сегодня Прокудовъ много пораспродалъ желѣза, выгодно накупилъ гвоздей и шпилей, свелъ лавочные счета и въ итогѣ прихода вышла очень почтенная цифра. На одномъ обвѣсѣ и обмѣрѣ рубликовъ 12 слишкомъ перепало... Вотъ отчего въ этотъ тихій, майскій вечеръ Прокудовъ сидитъ въ своей свѣтелѣ, спокойный и довольный, и съ чувствомъ попиваетъ чаекъ.

— Ухъ, важно... Не хошь ли? Пей! обратился онъ къ женѣ, опрокидывая чашку и проводя рукой по лбу, по бородѣ и распуская поясъ.

— Поштуй лучше питерячку-то! рѣзко промолвила та и едва не оборвала тонкой шерстяной нити.

— Ну! Ты хошь? спросилъ онъ дѣвушку.

— Благодарствуйте! слышался изъ угла глухой, дрожащій голосъ.

— Чего «благодарствуйте»! Ты губы-то не дуй, добро...? слышь?

огрызнулся Григорій Ивановичъ.—Нечего глаза-то тереть! Поругали только... Вѣдь тебя то-ись пальцемъ не тронули...

— То-то, вотъ, и худо! перебила пряха, не отрываясь отъ работы.—Поругать-то мало... Всѣ вы баловники, потатчики!

Пряха метнула на дѣвушку такой сердитый взглядъ, что, словно, хотѣла имъ сжечь ее.

— Притянуть бы ее къ столу-то за косы, благо вишь длинны—да арапникомъ... Вотъ тѣ и охвицеры! Всю бы дурь вышибло... Ой, да я бы!.. закончила пряха, стискивая зубы и со злостью стуча по скамѣ веретеномъ.

Дѣвушка уже не плакала; глаза ея были сухи, губы сжались, румянецъ спалъ съ лица. Вся поза ея выражала отчаяніе и испугъ...

Исторія Евгениной жизни не долга. Осьми лѣтъ она осталась сиротой безъ отца—безъ матери и жила у Прокудова, приходившагося ей дядей по отцу. Три года тому назадъ, когда Евгеніи едва минуло 17 лѣтъ, Прокудовы послали ее въ Питеръ изъ боязни, какъ говорили на деревнѣ, чтобы красивая дѣвка не отбивала жениховъ у ихъ рябой и золотушной Груни. Въ Питерѣ, нашлись знакомые, пообѣщались поставить Евгенію «на мѣсто». И вотъ, въ одно холодное и сырое октябрьское утро, съ узелкомъ подъ мышкой, Евгенія ушла «на машину», а на другой день, вечеромъ, укатила въ Питеръ. Но недавно, въ семьѣ Прокудовыхъ произошла убыль: Григорія Ивановича сподобилъ Богъ выдать свою Груню за смуринскаго богача, Антона Кудряшева, и въ домѣ, такимъ образомъ, не стало работницы. А изъ Питера той порой стали, будто бы, доходить до Прокудовыхъ дурныя вѣсти о Евгешѣ. По слухамъ выходило, что дѣвка живетъ не «на мѣстѣ», а въ любовницахъ у какого-то офицера и ходитъ въ бархатѣ и въ шелку. Правду ли, ложь ли говорили слухи; жила ли Евгенія въ любовницахъ, или нѣтъ, до того Прокудовымъ не было дѣла. Имъ нужна была работница и, слѣдовательно, Евгешу надо было заручить во-свояси. Дядя уже дважды отписывалъ ей, чтобы она побывала домой; но дѣвушка не слушалась, ссылалась на хорошее мѣсто, на то, что ее господа «любятъ и жалуютъ», что барыня ее грамотѣ научила и проч. Дядя отписалъ построже, но Евгенія выслала ему при письмѣ лишь 3 рубля денегъ, а о себѣ ни гугу. Наконецъ, Прокудовъ, по наущенію своей Матрены Дмитріевны, рѣшился прибѣгнуть къ крутымъ мѣрамъ, попросивъ въ волостномъ правленіи не высылать дѣвкѣ паспорта, а паспортныя деньги призадержать и вручить ему. Евгенія вынуждена была возвратиться въ деревню и явилась туда наканунѣ того дня, какъ начинается нашъ раз-

сказъ. Хотя Евгеша ни шелковъ, ни бархатовъ, ни денегъ изъ Питера съ собой не принесла, кромѣ книжки да нѣсколькихъ платьевъ; хотя ничего предосудительнаго замѣчено въ ней не было, но Матрена Дмитриевна, все-таки, предлагала маленько проучить дѣвуку для того, по ея словамъ, чтобы той «легше было опосля питерскихъ порядковъ за работу стать». Но Прокудовъ, вообще недолюбливавшій въ своемъ домѣ ни шуму, ни гаму и никакихъ скандаловъ, на проучку не согласился.

II.

Кошма и мышь.

Въ ту минуту, какъ пряжа вымѣщала свою злобу на веретенѣ, дверь отворилась—и въ комнату съ поклономъ вступилъ мужикъ въ истрепанномъ азамѣ и безъ шапки.

— Чай да сахаръ! проговорилъ онъ, неуклюже пожимая руку, лѣниво протянутую ему хозяиномъ, и косясь изподлобья на бабъ.

— Садись! сказалъ хозяинъ, указывая гостю на лавку у противуположнаго конца стола.—Что скажешь?

— Да что... протянулъ тотъ, усаживаясь и запахиваясь азамомъ.

— Чаю не хошь ли? предложилъ хозяинъ.

— Благодарю покорно! Отчего же... Можно!

Гость ухмыльнулся и осмотрѣлся по сторонамъ. На видъ онъ былъ невзраченъ. Сухіе, сполщенные, свѣтлорусые волосы и немного потемнѣе всклокоченная борода оттѣняли его худощавое, загорѣлое лице; сѣрые глаза его выглядѣли робко и недовѣрчиво, а голова сидѣла на плечахъ въ такой жалкой позѣ, словно бы обладатель ея ежеминутно ожидалъ получить затрещину. Изъ-подъ изодраннаго коричневаго азыма видѣнъ былъ воротъ грязной рубахи; грубые, холстинные штаны висѣли снизу ключьями и далеко не доходили до пятъ босыхъ, до крови наколотыхъ ногъ.

— Къ намъ, Евгешинька, пожаловали? Знать соскучились въ Питерѣ-то? промолвилъ гость, посмотрѣвъ искоса на дѣвушку.

Та прошептала что-то въ отвѣтъ, а на губахъ пряжи мелькнула кривая усмѣшка. Хозяинъ, межъ тѣмъ, нацѣдилъ изъ самовара въ чайникъ воды, ополоснулъ и воду съ чайинками вылилъ въ чашку, затѣмъ чашку придвинулъ къ гостю и положилъ передъ нимъ кусочекъ сахару. Все это дѣлалось съ самымъ добродѣтельнымъ видомъ и съ чувствомъ полнѣйшаго самодо-

вольства, словно Прокудовъ, дѣйствительно, оказывалъ гостю великое благодѣяніе и ласку, надѣживая ему теплой водицы.

— Пей! угощаль хозяинъ.

— Благодарю покорно! отозвался гость, придвигаясь къ столу.—А я, Григорій Ивановичъ, въ твоей милости... насчетъ сѣмянъ-то... Ужь, удружи!

— Это овса-то? Гм! Овса-то у меня у самаго развѣ только на посѣвъ хватитъ... со вздохомъ проговорилъ хозяинъ. — Лопнись овсею-то, самъ знаешь, Богъ пообидилъ...

— Такъ-то такъ, согласился гость нехотя, видно предчувствуя, что кулаку пришла охота поломаться! — Да вѣдь мнѣ, Григорій Ивановичъ, не много и надо. Не о возахъ рѣчь...

— Испо бы о возахъ! вставилъ хозяинъ.

— Самую малость не хватило, продолжалъ гость, какъ бы не дослышавъ словъ хозяина.—Осминку дашь — и ладно! Выручи, заставь Бога молить!...

— Экой вы народецъ чудной! Выручи! Легко сказать! завдыхалъ хозяинъ. — Радъ бы я радостью весь міръ выручить, да выручка-то во-о! И Прокудовъ выразительно постукалъ себя по затылку кулакомъ. — Выручать-то понече не того, не съ руки. Выручи вашего брата, а вы же потомъ на насъ жалитесь... Вонъ братецъ-то твой единоутробный что поговариваетъ, слыхалъ, поди? Живодеры мы и такіе-сякіе, и въ аду-то про насъ, почитай, мѣстовъ не хватитъ! Гм! Народъ-то понече сталъ неблагодаренъ; потому избаловался, Бога забылъ, отцовъ не почитаетъ...

— А я, Григорій Ивановичъ... Вотъ-тѣ Христось, хоть съ мѣста не встать... заговорилъ гость, какъ-то вдругъ неестественно оживляясь: — опричь добраго слова, николи о тебѣ не скажу, потому не за что! Да безъ тебя мы всѣ пропадемъ-пропадемъ, какъ червь! Потому у тебя и совѣтъ, и разумъ... и помощь ежели... все!

— Я, Василій, очень хорошо это чувствую! снисходительно замѣтилъ Григорій Ивановичъ. — Коли бы всѣ ваши деревенскіе такъ-то вотъ, какъ ты, ну тогда извѣстное дѣло... А теперича что? Хоть бы братецъ твой, примѣромъ сказать! Какъ ужь онъ не костить меня на всѣхъ переулкахъ! Срамота! А мнѣ-то развѣ это не обидно? Ты какъ своимъ умомъ-то смекаешь? Тоже, вонъ, племянникъ родной... Выкормилъ, выпоилъ, отъ моей земли и потаперъ кормится, въ моей хаткѣ живетъ, а глядитъ на меня волкомъ, ровно съѣсть хочетъ. А братецъ твой любезный! Ну! Ужь точно что воронъ, воронье горлышко! Закаркаетъ, такъ святыхъ вонъ песи... Кассу теперича заводить почалъ. Ну, и заводи, коли охота! А для чего этакъ-то говорить, что будто

эфтой самой кассой богачамъ крылья обломать можно? Дѣло онъ говорить это, а?

— А-ахъ, Григорій Ивановичъ, ей Богу-ну, право! промычалъ гость, покачивая головой и строя кислую гримасу. — Ты мнѣ вотъ все братомъ тычешь, а я ей богу ничего, какъ есть... потому наше дѣло — сторона.

— Ну и что-жь, и заводи! продолжалъ кулакъ. — А до насъ ему все-таки не дохватить стать—такъ полагать надо. Свою-то шкуру лучше бы поберегалъ: исшо того гляди самому крылья сперво на перво оборвутъ. Вотъ что!

Съ минуту помолчали.

— Вотъ опять выборы, началъ хозяинъ. — Прямое дѣло—посадить Семена Васильева! Мужикъ зажиточный, грамотѣ ученъ и въ городѣ знакомство есть, съ мировымъ и со всякимъ поговорить. Одно слово—человѣкъ! А твой братъ ужъ вѣрно противъ него... Аггунка нашъ тоже... Хоть и не говорить, а по глазамъ вижу! А ужъ другого такого волостнаго намъ не найти, хоть весь околотокъ выверни!

— А ты, Василій, какъ насчетъ эфтого? наливая гостю еще чашку ополосковъ, спросилъ, немного погодя, хозяинъ, какъ бы мимоходомъ, но глазки его пристально глянули на азмъ.

— Это что? Насчетъ выборовъ-то? нерѣшительно протянулъ гость. — Да какъ тебѣ... противъ міра знамо не пойдешь.

— Да ужъ твой братецъ мутитъ не мутя, а міръ хочетъ Семена Васильева—вотъ тѣ и весь сказъ! настойчиво замѣтилъ Прокудовъ. — Онъ, можетъ, и тебя подбилъ? Что-жь, не малой ребенокъ, самъ согласишь!

— Нѣту, Григорій Ивановичъ! Это ужъ ты напрасно! отнѣивался гость. — Потому—изба моя съ краю, ничего не знаю. Да мы что? Въ насъ-то, гляди, не больно и понуждаются!

— Жюка-то ты мнѣ не подпускай! Прибаутки-то про себя похрани, про случай... съ бабамъ ихъ разводи! строго заговорилъ хозяинъ, хмурия свои рыжія брови. — Вѣдь и ты пень промежъ колодъ.

Опять помолчали.

— Ну, такъ какъ? спросилъ Прокудовъ. — Вѣдь за языкъ тебя не тянутъ, а такъ къ слову пришлось... Говори: за кого хощь...

— Да надо быть за Семена Васильева... Мужикъ-то точно, что... согласился Василій.

— Двоишь, братъ! Вижу, что двоишь... позѣвывая и съ легкимъ вздохомъ перебилъ хозяинъ. — Богу, али чорту? Одному кому ни на есть... Обѣмъ за разъ не угодишь...

Прокудовъ ехидно усмѣхнулся и отвернулся къ окну.

— Провалиться то-есть—во-о! И гость закрестился и заискалъ глазами образа.

— Гм! промывчалъ кулакъ, съ самодовольствомъ поглаживая бородку, и свысока посмотрѣлъ на приниженную фигуру мужа.

— Такъ овсеца-то, Григорій Ивановичъ, можно заполучить? полутономъ ниже заговорилъ тотъ, допивъ послѣднюю чашку, опрокидывая ее на блюдце вверхъ дномъ и полагая на нее огрызочекъ сахару.

— Кассу-то нешто и взаболъ завтра открываютъ? спросилъ хозяинъ, видимо отдаваясь потоку увлекавшихъ его думъ.

— Завтра послѣ обѣдни... Хотятъ молебень пѣть.

— Гм! А братъ что? Харохорится небось?

— Въ правленіе его хотятъ поставить, а барышня—попечительницей у нихъ будетъ.

Григорій Ивановичъ промолчалъ; толстые пальцы его забили по столу какой-то непутевый маршъ.

— Овсеца-то, Григорій Ивановичъ... началъ опять Василій.

— Да ну тебя! Осмина-то набѣжить, можетъ, проворчалъ кулакъ.—Только слышь: уговоръ лучше денегъ. Къ Погрову—съ четверикомъ, да день косыбы.

— Помилуй! Четверичокъ-то уволь! взмолился крестьянинъ.

— А-ахъ, Василій, Василій! Уважить тебя хочу, отъ себя отрываю. Чувствуй! Да чего тутъ! Хошь бери, хошь нѣтъ! У самого послѣднія зерна на исходѣ.

Василій сосредоточенно почесалъ въ затылкѣ.

— Ну, такъ вотъ и пропишемъ! замѣтилъ Прокудовъ, стаскивая съ полки изъ-подъ божницы свою толстую записную книгу въ красномъ переплетѣ и кладя ее передъ собой на столъ.

Затѣмъ онъ раскрылъ ее и, мусля пальцы, принялся осторожно ее перелистывать, при чемъ оказалось, что книга была достаточно уже заканана чернилами и испещрена цифрами и іероглифами собственнаго произведенія Григорія Ивановича. Отыскавъ чистую страницу, Прокудовъ опять полѣзъ на полочку за чернилицей и за перомъ.

— Коего ляда тутъ прописывать-то? И на словѣ бы можно... замѣтилъ Василій, по безграмотству недолюбливавшій письменныхъ документовъ.

— Люблю я, братецъ, все по формѣ чтобы, возразилъ кулакъ и, свѣсивъ немного на бокъ голову, пыхтя и краснѣя, принялся немилосердно скрипѣть по бумагѣ гусинымъ перомъ.

Онъ то отклонялся отъ бумаги, то чуть не клевалъ въ нее носомъ, морщился и щурилъ то одинъ, то другой глазъ. Не безъ усилій, съ охами и вздохами условіе, наконецъ, было дописано

и внизу его Василий по безграмотству поставилъ 3 креста, причемъ брызнулъ чернилами себѣ въ лицо. Должникъ и не почувствовалъ, что по письменному условію онъ обязался косить два дня, а не день, какъ было выговорено на словахъ...

— Таперича отмѣряшь, что ль? Мѣшка-то я прихватилъ... спросилъ Василий.

— Правду-то сказать, поусталъ я, со вздохомъ промолвилъ кулакъ, обтирая перо и бережно укладывая на полочку свои письменныя принадлежности. — День-то, вѣдь, сегодня, знаешь такой... Гвоздь принималъ да желѣзо отпускалъ вашимъ. Пудовъ до 100 перемѣряли, тоже не легкое дѣло! Года-то не молодые — вотъ спину-то и ломить. Охо-хо, грѣхи, грѣхи! Да ужъ пойдемъ. Работниковъ-то, вишь, разослалъ. Все за получкой. Сбирать-то съ васъ тошнехоньго! Не глядѣлъ бы!

Григорій Ивановичъ, кряхтя, поднялся со стула, потянулся, почесался, сходилъ куда-то за ключемъ и въ сопровожденіи Василья отправился въ амбаръ, стоявшій въ нѣсколькихъ шагахъ за домомъ. Амбаръ былъ важный, большой, съ тесовой кровлей, съ огромными вѣсами и съ обломкомъ чугунной доски подъ «галдареей». Василий, не входя въ амбаръ, черезъ дверь замѣтилъ, что въ сусѣкахъ много ржи и овса, и всякаго жита. Когда хозяинъ насыпалъ послѣднюю мѣрку, мѣрка оказалась неполною на четверть.

— Добавь ишо совочикъ! попросилъ мужикъ.

— Довольно! строго отрѣзалъ Григорій Ивановичъ, со стукомъ захлопывая за собой дверь.

И щелкнулъ большой, заржавѣлый ключъ и дважды тяжело повернулся въ замкѣ. «О, господи! Хлѣба-то, хлѣба-то экое мѣсто!» подумалъ Василий и тихо привздохнулъ.

III.

Вратаны.

Пока Василий Кряжевъ съ Григоріемъ Ивановичемъ занимался деревенскими дѣлами, пока онъ умасливалъ кулака, а кулакъ ломался, пока писали условіе и мѣряли овесъ, послѣдній солнечный лучъ запылъ за горизонтъ, румяная вечерняя заря уже догорала надъ Смуринымъ и въ синей вышинѣ мерцали звѣзды. Коровъ давно уже пригнали, мальчишки уѣхали въ ночное и деревенская улица пустѣла, когда Василий, согнувшись подъ тяжестью мѣшка, тащился домой. Дворовъ за пять до края

деревни, онъ свернулъ въ сторону, подошелъ къ избушкѣ и опустилъ мѣшокъ на земь у завалины. Изба, какъ и самъ хозяинъ, была неприглядна на видъ. Отъ старости она ужъ покривилась и однимъ бокомъ ушла въ землю. Потемнѣлая, соломенная кровля слѣзла на сторону, понахлобучилась. Жерди подпирали крылечный навѣсъ. Два подслѣповатыя оконца, будто щурясь, невесело глядѣли на улицу. По всему было видно, что избушка давно уже стояла на бѣломъ свѣтѣ, много видовъ видала, и не одно поколѣніе жалко ютилось подъ ея дырливой стрехой въ зимнія мятелицы и стужи, въ лѣтній зной и въ непогоду.

— Принесъ? Ну, тащи... чево на показъ-то выложилъ! раздался рѣзкій бабій голосъ и лохматая голова, повязанная нестрой тряпицей, высунулась изъ окошка.

Василій обошелъ крылечко, встацилъ мѣшокъ на взвѣздъ и, приперши ворота, согнувшись, вошелъ въ избу. Внутри изба была такъ же неказиста, какъ съ улицы, хотя ради праздника она только что была вымыта, что можно было ощупать по гнилому запаху и сырости. Тѣ же черныя стѣны, тотъ же шелеватый полъ, закоптѣлая печь, темный образъ въ переднемъ углу и повсюду тараканы. Какъ единственное украшеніе, висѣла на стѣнѣ картинка, напачканная красками, съ изображеніемъ медвѣдя и козы и съ подписью:

«Медведь съ казю забавлялись и другъ на друга удивлялись:
Увидя медведя Казю въ сарафанѣ, а Козынька мише морщилъ глазами
И съ этого разу они подружились, музыкѣ и пляскѣ вмѣстѣ научились».

Той порой, какъ мужъ разболочался, Агафья поставила на столъ крупянку и вынула изъ поставца солонку, ложки, ножъ и хлѣба горбуху, завернутую въ грязное полотенце.

— Чево запропалъ-то? обратилась она къ Василью.

— Чаемъ угощалъ! отвѣчалъ тотъ, присосѣживался къ чашкѣ,

— На-косъ, кантуетъ испо! замѣтила жена, покрестилась и сѣла за ужинъ.

Кромѣ двухъ большихъ рукъ, къ чашкѣ протягивалась еще маленькая, худенькая рученка, изъ-за стола еще виднѣлось маленькое, грязное личико, позавѣшенное прядями свѣтлыхъ, льняныхъ волосиковъ. Это маленькое существо поминутно фыркало и утирало рукавомъ носъ. Это Анютка, единственная Васильева дочь. Были у нея еще два братца и сестрица, да давнымъ-давно лежали они на погостѣ. Сама Агафья была бабенка худая, мозглявая, на деревнѣ ее звали «дохлой». Ея сухіе, темные волосы всегда выбивались изъ-подъ платка, носъ былъ всегда въ сажѣ, а глаза бойко и съ недовольствомъ смотрѣли на

божій свѣтъ. Синія пестрядинная юбка да драная рубаха прикрывали ея кости и кожу.

Старая бабушка, мать Васильева, бѣряхтѣла и ворочалась на печи, все что-то ворча себѣ подъ носъ: она только что поругалась съ Агафьей и отказалась отъ ужина.

Когда хозяйка убирала со стола, а Анютка уже залѣзала на палати, на улицѣ послышались звуки гармоник и чей-то могучій, сильный голосъ громко напѣвалъ:

«На Пречистенѣ, направо,
Есть большой, прекрасный домъ;
Тамъ живетъ народу много»...

— Ишь горло-то! съ недовольствомъ проворчала Агафья.

Звуки все приближались къ Васильевой хаткѣ и вдругъ чья-то фигура мелькнула за окномъ и затѣнила его. Василій отодвинулъ раму и выглянулъ: у окна, прислонившись къ стѣнѣ, стоялъ мужикъ, съ гармоникой подъ мышкой, и, снявъ шапку, расчесывалъ пятерней свои темные, густые и мокрые волосы. По одеждѣ видно было, что человѣкъ этотъ не нищенствовалъ, жить безъ нужды; на немъ были сѣрый кафтанъ, бѣлая ситцевая рубаха, синіе пестрядинные штаны и сапоги съ красными, сафьянными отворотами. Онъ казался лѣтъ 40—немного моложе Василья, средняго роста, широкоплечій, мускулистый и съ чрезвычайно смуглымъ лицомъ. «Воронъ, какъ воронъ!» говорили про него на деревнѣ. «Ни въ отца, ни въ мать!» толковали родные. Черты лица у него были крупныя, неправильныя, топорныя; довольно большой носъ, толстыя губы. Но хорошъ былъ смѣлый и открытый взглядъ его большихъ, темнокарихъ глазъ, и вообще лицо его было выразительно и не лишено нѣкоторой грубой, своеобразной красоты, могущей ярко блеснуть при случаѣ.

— Ты что? спросилъ его Василій.

— Да ничего! Отъ Лисина изъ бани иду... А ты вечоръ мѣшокъ-то отъ Гришки тащилъ? спросилъ тотъ въ свою очередь.

— Отъ него! отвѣтствовалъ Василій.

— Та-а-акъ! Съ походцемъ отвѣсилъ? опять спросилъ съ усмѣшкой стоявшій подъ окномъ.

— Съ походцемъ! передразнилъ Василій.— Не досыпалъ ишо малость... Четверикъ да день косьбы за осмину-то!

Тихій смѣхъ послышался за окномъ. Василью при этомъ ровно неловко стало, онъ заворочался.

— Сусла, Митрей, не хошь-ли? продолжалъ онъ.— Пиво-то по-нече удалось...

— Нѣтъ, братъ! Не сусло я къ тебѣ пить пришелъ, а по дѣлу завернуть!